

Научная статья
DOI 10.19181/nko.2024.30.3.1
EDN PDRADD
УДК 316.2

Д. В. Иванов¹, Ю. В. Асочаков¹, К. П. Гулькина¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия

СОЦИОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: МЕЖДУ ФРАГМЕНТАЦИЕЙ И ИНТЕГРАЦИЕЙ

Аннотация. Состояние и перспективы развития современной социологии рассматриваются в контексте чередования в её истории периодов фрагментации и интеграции. Первая интегративная волна в истории социологии была в 1920–1950-х гг., проявившись в создании «больших» теорий П. Сорокина, Т. Парсонса, Франкфуртской школы, которые связали разнородные идеи классиков в моделях общества как системы. После парадигмального кризиса 1960–70-х гг. и распространения постмодернистского дискурса возникла вторая интегративная волна, воплотившаяся в преодолевающих разрывы между концепциями детерминирующих структур и конструирующих действий теориях Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, П. Бурдьё и в метатеоретизировании Дж. Ритцера, П. Штомпки, Дж. Александера. Сегодняшняя фрагментация в социологии в условиях метапарадигмального кризиса и постглобализации вызвана ростом влияния постколониального дискурса, попытками стигматизировать западную классику и создать теоретические альтернативы доминированию «глобального Севера» в производстве знания, а также распространением концепций, противопоставляющих классической социальности структур и действий социальную реальность сетей и потоков (Б. Латур, М. Кастельс, Дж. Урри, К. Кнорр-Цетина). В 2020-х гг. в социологии сложились условия для начала третьей интегративной волны, которая должна прийти на смену тенденциям дезинтеграции, дискриминации, возникновения разрывов и возведения барьеров. Актуальными становятся теории, создающие связную конфигурацию четырёх типов социальных структур: институтов, интеракций, сетей и потоков. Новый предмет теоретизирования конституируется их взаимосвязями в формах полей структурирования, скейпов ассембляжей, коммуникаций, платформ, проектов и инвентов. Метафора дополненной реальности интегрирует представления о разных типах социальной реальности и преодолевает конститутивные для социологии конца прошлого столетия разделения на систему и жизненный мир, локальное и глобальное, приватное и публичное, материальное и символическое, реальное и виртуальное, физическое и цифровое и т.д.

Ключевые слова: развитие социологии, метапарадигмальный кризис, интегративная волна, дополненная современность, постглобализация, институты, интеракции, сети, потоки

Для цитирования: Иванов Д. В., Асочаков Ю. В., Гулькина К. П. Социология в XXI веке: между фрагментацией и интеграцией // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 6–25. DOI 10.19181/nko.2024.30.3.1. EDN PDRADD.

Благодарность: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00261, <https://rscf.ru/project/24-18-00261/>

Введение: дискурс кризиса и реальность развития социологии. Первые два десятилетия XXI века постоянным компонентом теоретико-методологических дебатов в социологии был дискурс кризиса, привнесённый знаменитой работой А. Гоулднера в 1970 г. [1] и существенно разросшийся за полвека. Однако применение этого дискурса очень разнится среди исследователей, и их оценки

© Иванов Д. В., Асочаков Ю. В., Гулькина К. П., 2024

кризиса флуктуируют от констатации его вымышленности до пророчеств о грядущей смерти дисциплины [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Устойчивую популярность кризисного дискурса можно вслед за британским теоретиком Джерардом Деланти объяснить тем, что постоянная самопроблематизация вплоть до провозглашения «конца социологии» является частью её самокритичной природы [8]. Но эта концепция не объясняет флуктуаций дискурса. История социологии показывает, что они обусловлены тем, что научная дисциплина все-таки развивается и прогрессирует, но не линейно [9]. В истории современной социологии чередуются периоды резкого теоретико-методологического размежевания, фрагментации и периоды стремления к интегрированности, повышения связности. Периодические кризисы в итоге открывают путь и для обсуждений гипотетического конца социологии, и для реальных сдвигов к её новому развитию. Актуальные сейчас источники нового теоретизирования можно найти в этой волнообразной исторической динамике социологии. В данной статье делается попытка обрисовать позитивные перспективы развития на ближайшие годы, исходя из анализа периодов интеграции и фрагментации в истории социологии за два столетия.

Чередование периодов фрагментации и интеграции в истории социологии.

Начальные этапы истории социологии как современной науки были временем фрагментации, когда доминировал акцент на уходе от старого, на поиске различий, и нарастало разнообразие идей и подходов. В 1820–1870-х гг. позитивизм О. Конта, эволюционизм Г. Спенсера, исторический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса и другие подобные проекты науки об обществе провозглашали разрыв с философской традицией, фокусировались на конфликтном развитии промышленного общества, выдвигали альтернативные проекты лучшего общества. Несмотря на намеренно анти-философскую постановку проблемы создания науки об обществе и на заложенные ими концептуальные основы развития социологии, концепции Конта, Маркса, Спенсера и др. не были ещё собственно социологией. Их исследовательским подходом оставалось выведение универсального закона развития человечества в рамках мировоззренческой доктрины, охватывающей всё бытие и всё познание. Это была *протосоциология*, поскольку совокупность созданных в середине XIX века проектов науки об обществе и неразрывно связанных с ними утопических проектов «подлинно социальной» жизни оставалась на границе между научным знанием и философскими и мировоззренческими доктринами.

На протяжении **1880–1910-х гг.** период фрагментации продолжался, и в стремлении найти и продемонстрировать общие для социологов предмет и метод Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Зиммель, Ф. Теннис, В. Зомбарт, В. Парето, представители Чикагской школы А. Смолл, У. Томас, Ф. Знанецкий, Р. Парк, Э. Берджес создали работы, акцентирующие различия: разделение на реализм и номинализм, на теоретическую и эмпирическую социологию, между традиционностью и современностью в социальной жизни. Эти работы, многократно критиковавшиеся за схематизм и наивность теоретических построений и эмпирических обобщений, теперь ценятся за их вклад в формирование стандартов научной работы социологов и стали образцами, то есть классикой для последующих поколений исследователей. Это был этап *классической социологии*, поскольку совокупность исследований, созданных в конце XIX – начале XX века, предопределила развитие социологии как научной дисциплины, имеющей

собственную предметную область и собственные методы исследовательской работы. Благодаря классикам впервые возникли отчётливые признаки социологии, но и возникло разнообразие видов социологии, от которых ведут своё происхождение современные научные школы и направления. Разные виды социологии — результат разного видения предметной области и методологии. Дюркгейм с его социологизмом, Вебер с понимающей социологией, Зиммель и Теннис с формальной социологией, европейские школы теоретической социологии и Чикагская школа эмпирической социологии стремились сконструировать и легитимировать социологию разными путями.

Умножая разнообразие общих концепций предмета и методов в социологии и углубляя различия между ними, классики одновременно фрагментировали изучаемую социальную реальность в собственных исследованиях конкретных явлений. Классическая социология — это ещё и *классифицирующая* социология, превращающая исследование любого явления в дифференциацию его на типы, виды, классы, кластеры и т.п. Ныне этот исследовательский паттерн обеспечивает социологическим работам элементарный уровень научности и профессионализма, а введён этот паттерн в социологию был в образцовых работах рубежа XIX–XX вв., чтобы отделить современный тип социальности от традиционного. Это различие ожидаемо можно найти у пропагандиста собственно методологии идеальных типов Вебера в его противопоставлении традиционного и рационального действия и хозяйства, но есть он и у последовательного позитивиста Дюркгейма с его различением механической и органической солидарности, альтруистического и эгоистического самоубийства, и у волюнтариста Тенниса с его сопоставлением общины и общества, и даже у эмпириков Томаса и Знанецкого в их сравнительном анализе крестьянского быта в Европе и городской жизни в Америке. Таким образом, общество как целостность, как единый организм остался у протосоциологов и классиков социологии либо общей метафорой, либо утопическим горизонтом теоретизирования, а социальная реальность в исследованиях фрагментирована и предстаёт разрастающимся множеством структур и процессов, тяготеющим к контрастирующим типам социальности.

В 1920–1950-х гг. характер развития социологии кардинально переменялся: впервые в её истории период фрагментации сменился периодом интеграции. Дискуссии предшествующего периода о том, какой должна быть социология, что является её предметом и каковы методы, сформировали концептуальную традицию и определили специфику социологии, её автономное положение в ряду других социогуманитарных дисциплин — философии, истории, экономики, психологии. Но созданные первыми классиками типологии и классификации форм социального взаимодействия, социальной интеграции и солидарности, социальных общностей и т.д. не образовывали единой концептуальной системы, то есть теории. С другой стороны, в ходе эмпирических исследований шло накопление фактического материала, объём и разнообразие которого росли и требовали систематизации. Поэтому актуальной стала проблематика теоретического синтеза, ведущего к созданию общесоциологической теории, которая объединяла бы концептуальные достижения классиков и обобщала бы результаты, получаемые эмпирической социологией. В объединённых новой повесткой социологических работах доминировала ориентация на рост связности, акцентировались поиски общности и актуализация наследия. В результате эти работы образовали *первую интегративную волну* и стали *неоклассической социологией*.

Идеей создания общесоциологической теории, объясняющей весь комплекс социальных явлений и интегрирующей прежние и новые научные достижения, пронизаны самые выдающиеся теоретические работы середины прошлого века: «Современные социологические теории» и «Социальная и культурная динамика» П. Сорокина, «Структура социального действия» и «Социальная система» Т. Парсонса, «Традиционная и критическая теория» М. Хоркхаймера и его совместная с Т. Адорно «Диалектика просвещения» [10; 11; 12; 13; 14; 15]. В этом движении к «большой» теории участвовали даже те, кто скептически относились к всеохватным абстрактным схемам, как, например, Р. Мертон или П. Лазарфельд. Мертон предлагал развивать теории среднего уровня как эмпирически обоснованные теории отдельных социальных явлений и процессов для того, чтобы общесоциологическая теория сложилась «естественным путём» в результате интеграции уже верифицированных теорий среднего уровня [16]. Лазарфельд создавал изощренные техники операционализации и измерения, которые могли бы сделать «большую» теорию рабочим инструментом исследователя [17].

Результатом стремления к созданию концептуально интегрированной и методологически сильной социологии стали не только большие теории (Сорокин, Парсонс, Франкфуртская школа), но и большие эмпирические проекты, длившиеся по нескольку лет и генерировавшие гигантские массивы данных, использовавшихся для решения крупных практических задач в бизнесе, госуправлении, социальной политике. Среди первых «гигантов» эмпирической и прикладной социологии можно выделить социальное картографирование Чикаго под руководством Э. Берджеса, Хотгорнские эксперименты с участием Э. Мэйно, исследование массмедиа П. Лазарфельдом, проект «Авторитарная личность», возглавляемый Т. Адорно.

Интегративная логика, характерная для больших теорий и больших эмпирических проектов середины XX в., отчётливо проявилась и в подходах к социальным изменениям. На смену концепциям, рисуящим разные траектории развития общества как пути разрыва с прошлым, исходя из разных образов будущего, пришли концепции единой современности (Modernity). Эта общая модель социальной динамики представлена в теориях модернизации М. Леви и Т. Парсонса, в идее П. Сорокина о конвергенции «западного» и «восточного» социокультурных типов, в концепции единого индустриального общества Р. Арона, в критике общей для развитых стран технологической рациональности у Г. Маркузе [18; 19; 20; 21; 22].

В 1960–1970-х гг. произошёл *парадигмальный кризис*, положивший конец первой интегративной волне в развитии социологии. Новый период фрагментации открылся взрывным ростом критики господствовавших макросоциологических, позитивистских и объективистских представлений о предмете, методах и предназначении социологии. А с созданием множества альтернативных концепций, претендующих на статус парадигмы, исследовательская деятельность социологов стала развиваться не в направлении ожидавшегося в перспективе теоретико-методологического консенсуса, а в направлении дробления социологического сообщества на группы, придерживающиеся альтернативных подходов.

Эта тенденция противоречила образу «нормальной» науки, закрепившемуся в сознании социологов под влиянием концепции Т. Куна [23]. Поэтому обострение теоретико-методологических дебатов, отдаляющих социологию от создания

одной объединяющей научное сообщество парадигмы, традиционно представляется началом затяжного кризиса социологии. Однако если принять во внимание, что, вопреки Куну, в любой науке всегда есть множество альтернативных теорий, не редуцируемых одна к другой и адекватных только в областях, определённых их граничными условиями, то тенденции 60–70-х гг. прошлого века предстают не фундаментальным кризисом научной дисциплины, а скорее переломом тренда, удалявшего социологию от нормальности. Рост микросоциологических, интерпретативных и активистских концепций в этот период фрагментации перевёл научную дисциплину на этап *постклассической социологии*, увеличив теоретико-методологическое разнообразие и при этом восстановив баланс, нарушенный на этапе *неоклассической социологии* экспансией макросоциологических и позитивистских подходов.

Присутствовавшая в социологии ещё со времён Дж. Г. Мида, М. Вебера, А. Шюца идея изучения человеческого действия в 1960-х гг. была превращена новым поколением исследователей в орудие борьбы против больших теорий, обличаемых за сосредоточенность на макроуровне социальной реальности и за неспособность объяснить элементарное взаимодействие людей. Дж. Хоманс с теорией социального обмена, А. Турен с социологией действия, Г. Блумер с символическим интеракционизмом, П. Бергер и Т. Лукман с феноменологической социологией, И. Гофман с драматургическим подходом, Г. Гарфинкель с этнометодологией пытались реконструировать социологию, сделав её наукой на микроуровне человеческого действия [24; 25; 26; 27; 28; 29]. И обращение всё большего числа исследователей к такого рода микросоциологическим подходам подорвало господство макросоциологических теорий.

В это же время излюбленным объектом критики стала так называемая квантофрения социологии. Это саркастическое определение стремления все социологические данные и выводы сводить к статистическим выкладкам, а социологический анализ к манипулированию цифрами, было введено ещё в 1930-х гг. П. Сорокиным. Но лишь в 1960–70-х гг. такого рода критика получила широкую поддержку в социологическом сообществе и превратилась в идейную основу развития в противовес позитивистским, «жёстким» количественным методам «мягких» качественных методов. Качественные методы, построенные на интерпретации не подвергаемых статистическим процедурам данных о смыслах, которые люди придают событиям, больше отвечают той концепции социологии как науки о взаимодействиях людей, которую продвигали Г. Блумер, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Гарфинкель, И. Гофман и их последователи. С этого времени большие исследовательские проекты, основанные на уверенности в объективности структур, формирующие гигантские массивы данных и представляющие социальную реальность на формальном языке статистического анализа, стали всё чаще замещаться исследованиями, сконцентрированными на субъектности людей и реализуемыми в столь популярном ныне формате обоснованной теории (*grounded theory*), сводящемся к созданию нарратива — предания о социальном на обыденном языке.

Позитивизм подвергался критике не только за неадекватность методов исследовательской работы, но и за объективистскую позицию исследователя как независимого наблюдателя социальных процессов. Критика традиционной теории, предпринятая Франкфуртской школой ещё в 1930-х гг., нашла отклик в социологическом сообществе только через три десятилетия. Обличение «конформизма» традиционной теории, ориентированной на согласование своих положений с существующим положением дел (фактами) и на позитивную оценку

равновесия социальной системы, стало трендом. В те годы концепции «критически-рефлексивной» социологии, развенчивающей объективистские притязания больших теорий, развивали такие исследователи нового поколения, как Ч. Р. Миллс и Э. Гоулднер, не связанные непосредственно с неомарксизмом, но явно испытывавшие его влияние. А наиболее радикальной версией не объективистской, но активистской позиции социолога стала созданная А. Туреном концепция социального акционализма [25]. Её сторонники в 1970-х гг. активно участвовали в деятельности социальных движений, в том числе экстремистских, применяя, тем самым, метод социологической интервенции — вмешательства в социальные процессы с целью выявить и развить «историчность» социальных движений.

Три тенденции — рост числа микросоциологических теорий с претензиями на парадигмальность, рост популярности антипозитивистской качественной методологии, рост внимания к активистским доктринам критической социологии, — образуют общее движение к гуманизации социологии. Именно повестка этого движения, требующая сделать социологию наукой о людях, создаваемую для людей и силами самих людей, мотивировала социологов возобновить дебаты о предмете (объективные структуры или интеракции в повседневной жизни) и методе («жёсткие» количественные или качественные «мягкие») и вновь обострить расхождение позиций, которые за полвека до этого уже проявились как «реализм» и «номинализм» и давно не считались антагонистическими. Как следствие, в ходе развернувшихся дискуссий о том, что, как, для чего и для кого должны изучать социологи, сложилась ситуация множественности парадигм. Каждая из конкурирующих парадигм претендовала в глазах своих сторонников на роль общесоциологической теории и методологии, но объединяла вокруг определённого видения предмета и методов исследования лишь часть социологического сообщества.

Тенденции фрагментации в период парадигмального кризиса, помимо внутрисоциологических разделений по линиям «макро/микро» и «структура/действие», «количественное/качественное», выразились в стремлении к радикальному разрыву с социологической традицией в целом. Постмодернистская теория, созданная М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотаром, Ж. Бодрийяром [30; 31; 32] и предлагающая идеи «децентрации субъекта», «исчезновения человека», «конца социального» и т.п., подводит к выводам о полном исчезновении предмета всех микро- и макро-теорий, и о симуляционном характере современных социальных наук. В теоретическом манифесте Лиотара «Состояние постмодерна» [31] уходящей вместе с XX веком современности как эпохе доминирования в общественной жизни и в науке системности и целостности противопоставляется постсовременность с характерными для неё распадом социальных агрегатов, эклектичностью, умножением разнонаправленных малых нарративов. Постмодернизм оказался очень сильным вызовом, открыв одновременно и разнообразные перспективы исследовать привычный предмет социологии совершенно по-новому, и угрожающую перспективу диссоциации предметности и утраты исследователями привычного научного статуса.

В период **1980–1990-х гг.** после «битвы парадигм» двух прошлых десятилетий в социологии набрала силу *вторая интегративная волна*. С конца 1970-х гг. ослабло стремление к поиску принципиально новой, наилучшей парадигмы социологического знания и распространились идеи создания единой парадигмы путём согласования между собой уже существующих альтернативных подходов. Общая

тенденция к теоретико-методологической интеграции отчётливо видна в таких трендах конца прошлого века, как распространение теорий, призванных стать объединительными парадигмами, возникновение такого специфического направления как метатеоретизирование, мода на новое прочтение теоретического наследия, породившая целый ряд «ренессансов» классиков, а также бум концепций глобализации и связанных с ними проектов глобальной социологии, преодолевающей все национально-государственные и национально-культурные барьеры.

Стремлением к интеграции структуралистских и агентностных, позитивистских и интерпретативных, объективистских и активистских подходов, ранее считавшихся взаимоисключающими, отмечены наиболее значительные теоретические разработки 1980-х гг.: теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теория структурации Э. Гидденса, конструктивистский структурализм П. Бурдьё [33; 34; 35]. Эти интегративные парадигмы на базе релятивизации и увязки разнородных теорий стали «мягкой» формой постмодернизма в социологии, иногда даже вопреки интенциям самих авторов, как, например, в случае Хабермаса, яростно отрицавшего наступление постмодерна. Но ироничная логика постмодернизма проявилась в том, что, несмотря на популярность, которую приобрели в социологическом сообществе теории Хабермаса, Гидденса, Бурдьё, их усилия по разрешению дилеммы «структуры или действия» и тем самым по интеграции теоретической социологии привели лишь к усугублению ситуации мультипарадигмальности. Прежде созданные парадигмы не утратили влияния, просто к макросоциологическим и микросоциологическим теориям теперь добавились ещё и межуровневые или мезосоциологические теории.

Другим проявлением «мягкого» постмодернизма в теоретической социологии стали ренессансы классиков, новое прочтение которых стало трендом, благодаря распространению в научном сообществе типично постмодернистской установки на релятивизацию и уравнивание значимости «современного» и «архаичного». Ярким проявлением таких устремлений стал так называемый веберовский ренессанс. В конце 1970–1980-х гг. новое прочтение, раскрывающее актуальность идей Макса Вебера, не просто породило большое число научных публикаций, но превратилось в особую разновидность профессиональной деятельности [36]. Под влиянием веберовского ренессанса в конце 1980 – начале 1990-х гг. интенсивному новому прочтению были подвергнуты труды другого классика социологии – Зиммеля [37]. А затем начался ренессанс даже главного объекта критики 1960-х Парсонса, ставшего источником вдохновения для неофункционализма [38].

Ренессансы классиков и практика построения интегративных теорий на основе выявления взаимодополнительности уже ставших традиционными концепций способствовали превращению реинтерпретации в основной тип теоретической работы. Она позволяет выявить неочевидные логические структуры, лежащие «глубже» авторского уровня анализа, а интеграция этих логических структур в единый концептуальный порядок позволяет создать общесоциологическую теоретическую систему, логические связи в которой перекрывают привычные расхождения между существующими теориями. Этот подход к теоретизированию хорошо просматривается в серии работ, определивших видение социологами своей дисциплины после дебатов 1960–70-х гг.: «Социология: мультипарадигмальная наука» Дж. Ритцера, «Структура социологической теории» Дж. Тернера, «Социологические дилеммы» П. Штомпки, «Теоретическая логика в социологии» Дж. Александера [39; 40; 41; 42]. Здесь наиболее отчётливо проявилась установка

«мягкого» постмодернизма на плюрализм и релятивизм — относительную ценность и взаимодополнительность альтернативных теоретико-методологических позиций, на легитимацию мультипарадигмальности в социологии.

Новый тип теоретической работы, названный Дж. Ритцером метатеоретизированием [43], с начала 1980-х гг. постепенно стал преобладающей формой в социологии, где теперь создаётся меньше принципиально новых теорий и больше концептуальных схем, по-новому объясняющих сложившуюся теоретическую ситуацию. Согласно Ритцеру, метатеоретизирование является рефлексивной концептуализацией, направленной не на развитие собственно(й) теории, а на создание «комфортной среды» в теоретической социологии в целом путём 1) прояснения оснований и логики уже созданных теорий, 2) создания предпосылок для развития теорий, 3) установления межтеоретических отношений, задающих общую перспективу «поверх» различий и противоречий среди отдельных теорий. Метатеоретизирование в исполнении Ритцера, Александра, Штомпки и др. представило фрагментацию, раздробленность социологии в позитивном свете: как логичную структуру общего «пространства возможностей», где есть исследовательские ниши для сторонников всех социологических школ и направлений.

Та же логика открытия или конструирования общего пространства возможностей, а заодно проблем, конфликтов и путей их разрешения, обнаруживается и самом популярном среди социологов тренде конца прошлого столетия — исследованиях глобализации. Концепции глобализации Р. Робертсона, Л. Склэра, М. Алброу, Э. Гидденса, У. Бека, представляющие макроструктуры как связанную систему планетарного масштаба, а микроструктуры как открытый и мультикультуральный жизненный мир, поглотили постмодернистскую перспективу социальных изменений и заменили её новой, предполагающей движение к глобальной современности [44; 45; 46; 47; 48]. Возникновение новой общей предметности, независимо от того, воспринималась ли глобализация в качестве новой реальности, как в работах Р. Робертсона и М. Алброу, или критиковалась как всего лишь новый дискурс, как в работах Дж. Ритцера и И. Валлерстайна [49; 50], стало основанием для перехода научного сообщества к новому этапу существования и развития дисциплины. Это был переход на этап *глобальной социологии*, всеохватной, единой, мультикультуральной, открытой и избавленной от прежних барьеров между исследователями из разных стран.

Этап глобальной социологии, вопреки ожиданиям, оказался очень недолгим, и сменился новым периодом дезинтеграции и фрагментации уже в **2000–2010-х гг.** В это время в социологии развился *метапарадигмальный кризис*, вызванный сдвигом от стабилизационного метатеоретизирования в духе Дж. Ритцера, упорядочивающего множество структуральных и агентностных теорий, к трансформационному, нацеленному на концептуальную «революцию» и на открытие в сетях и потоках новых объектностей для социологии. Этот кризис обострился в условиях обозначившегося во втором десятилетии XXI в. поворота к постглобализации [51], когда глобализационная метапарадигма не выглядит уже надёжной концептуальной платформой для исследований, а наблюдаемый рост разрывов, барьеров и конфликтов в «общем пространстве возможностей» побуждает всё большее число социологов развивать постколониальный дискурс, стигматизировать западную классику, создавать теоретические альтернативы доминированию «глобального Севера» в производстве знания.

Трансформационное метатеоретизирование рубежа XX–XXI вв. переориентировалось с рефлексивной работы с другими теориями на работу с другой реальностью. Б. Латур, М. Кастельс, Дж. Урри, А. Аппадураи, К. Кнорр-Цетина акцентировали концептуальный разрыв между классической социальностью структур и действий и постсоциальной реальностью сетей и потоков [52; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 59]. Латур и последователи его акторно-сетевой теории противопоставляют прежней «социологии социального» свои исследования гибридной реальности. Актор-сети являются одновременно и социально-материальными структурами, объединяющими разнородные объекты, включая людей и вещи, и формами агентности, превращающими и тех и других в «актантов». Режим существования этой реальности — интеробъективность, что выводит её за привычные рамки теоретико-методологического выбора между объективностью институтов как тотальных нормативных структур и интересубъективностью смыслов, конструируемых (взаимо)действующими агентами.

Концептуализация мобильностей и потоковых структур в работах Урри и Кнорр-Цетины вводит представление ещё об одном режиме существования реальности «постсоциальных отношений» между людьми и материальными объектами. Это трансобъективность мобильностей и потоков, чья реальность воспринимается и переживается только в движении сквозь привычные структуры, через территориальные, институциональные, групповые, культурные и символические границы. Традиционные для социологического взгляда предметности — социальные структуры представляют собой разграничения, фиксирующие зоны и диапазоны разных взаимодействий. Через эти границы, структурирующие привычную социальность, и идёт привлекающее внимание исследователей движение — перемещение вещей, людей, идей и т.д.

В то время как в западной социологии, на «глобальном Севере» метатеоретизирование направлено на поиск концептуальных схем для новой гибридной и темпоральной реальности — актор-сетей, потоков, мобильностей, ассембляжей и т.п., на «глобальном Юге» возникла совершенно иная разновидность трансформационного метатеоретизирования, которое фрагментирует социологию посредством постколониального дискурса. Это интеллектуальное движение развивает критику доминирования западных теорий, неадекватности и нерелевантности западных концептов в контексте незападных обществ и культур [60; 61; 62; 63]. Проекты постколониальной теории варьируются от создания специфических инструментов изучения аборигенных социокультурных феноменов, выражающих опыт сообществ в бывших колониях, до превращения «южной теории» в инструмент концептуального противостояния и в альтернативный ресурс развития мировой социологии, призванный изменить баланс глобального производства знания в пользу «Юга» [62; 64].

Идеи создания особых теорий, объясняющих локальные феномены и порывающих с зависимостью от западного социологического канона, созвучны критике европоцентризма и претензий на универсальность и объективность социальной теории, получившей распространение среди европейских и американских исследователей с конца 1990-х гг. [63; 65]. Такая релятивизация концептуальных основ «северной теории», а затем дистанцирование от классических форм академической и прикладной науки в проекте публичной социологии [66] стимулировали появление радикального дискурса «отмены» классической социологии. Теоретическое наследие сторонниками этой идеи представляется как отжившие дискурсы, Маркс, Вебер, Дюркгейм обличаются как «расисты»

и «империалисты», как носители европоцентристского и патриархально-маскулинного подхода, превращающего теорию в идеологию дискриминации, подавления социокультурного разнообразия и исключения меньшинств [67; 68; 7].

В русле метапарадигмального кризиса, ведущего к общей фрагментации представлений о социальном мире, сменился доминирующий подход к социальной динамике. Заложенные в теориях глобализации ожидания прихода консолидированного и открытого всемирного общества или глобальной социальности не оправдались. В контексте постглобализации на смену идеи глобальности пришла идея множественности, и социологи стали практиковать подход, предложенный Ш. Айзенштадтом ещё в конце прошлого века [69; 70], но обретший второе дыхание именно сейчас. Концепция множественных современностей предполагает, что современность (*Modernity*) как тип социальной жизни может и должна принимать различные формы. Поэтому обнаруживаемые в разных странах расхождения с классическими паттернами индустриализации, демократизации, секуляризации, индивидуализации социологам следует трактовать не как отставание в развитии или отклонение от общей модели, а как цивилизационную специфику одной из множественных современностей.

Сегодняшняя фрагментация в социологии в условиях постглобализации — это кризис на пути предшествующего развития, но и открытие возможностей на новом пути. Новые социальные онтологии, постколониальная теория, разделения по линиям «Север/Юг» и «академическая/публичная», концепции множественных современностей ничуть не отменяют прежнюю социологию, а лишь расширяют, усложняют предметное поле и структуру социологии и мотивируют совладать с этой разноречивой сложностью. В ситуации метапарадигмального кризиса логично ожидать в ближайшие годы прихода следующей интегративной волны. Первая интегративная волна в истории социологии была в 1920 – 1950-х гг. и ярче всего проявилась в «больших» теориях П. Сорокина, Т. Парсонса, Франкфуртской школы, связавших разнородные идеи классиков в моделях общества как системы. После парадигмального кризиса 1960–70-х гг. и распространения постмодернистского дискурса возникла вторая интегративная волна, воплотившаяся в связавших макро- и микро-социологические подходы теориях Хабермаса, Гидденса, Бурдьё и в метатеоретизировании Ритцера, Штомпки, Александра. Третья интегративная волна должна к середине века по-своему решить те же проблемы устранения разрывов и создания связности в концептуальном и инструментальном многообразии современной социологии.

Новая интегративная повестка для теоретической социологии. Третья интегративная волна, преодолевая нынешние тенденции дезинтеграции, дискриминации, возникновения разрывов и возведения барьеров в первую очередь должна обеспечить движение к связности представлений о формах социальности — типах и уровнях социальной реальности, представленных в конкурирующих концепциях социальных институтов, интеракций, сетей и потоков. После модного в последние 20–30 лет противопоставления сетей и потоков привычным институтам и интеракциям приходит время для теорий, продолжающих логику интегративных моделей габитуса и структуриации. Предметом этих постбурдьёвистских и постгидденсовских теорий должны стать формы взаимообусловленности и взаимопроникновения всех четырёх типов социальности, а не только макроструктур и микроагентностей. Нужны теоретические модели, соз-

дающие связность в сложившейся конфигурации четырёх разных типов социальных структур: институтов, интеракций, сетей и потоков.

Конфигурация предметного поля теоретической социологии накануне третьей интегративной волны выглядит так: есть четыре главных типа структур, образующих четыре разных типа социальности — тотальную социальность институтов, частную и ситуативную социальность интеракций, относительную социальность сетей, альтерсоциальность потоков. Институты традиционно предстают как идеально социальные структуры. Они интегрируют множество индивидуальных объектов (будь то люди, их действия или их вещи) в большие общности и обеспечивают скоординированность объектов в общностях за счёт постоянных и единых для всех норм. Интеракции являются не столь социальными структурами, как институты. Интеракции интегрируют объекты в ситуативную общность, и их координация гарантируется не универсальной нормативностью, а креативностью попавших в данную ситуацию участников, которые вырабатывают адаптивные решения в зависимости от того, как прочитывают (или просчитывают) действия и атрибутику друг друга, создавая частную социальность здесь и сейчас.

Социальность сетей можно назвать относительной, поскольку основой координации объектов является не интеграция их всех, а осуществляемая в ходе коммуникации селекция тех из них, которые идентифицируются как «свои» на фоне «остальных». Наличие этого фона исключаемых, обусловленность доступа в сеть идентичностью и коммуникативность как гарантия социальности являются характерными чертами любых сетевых структур. Потоки, как и сети, представляют собой тип координации объектов на основе селекции. Но отбор объектов в поток происходит не в силу их фиксированной идентичности, а в силу их подвижности — пространственной, культурной, физической, интеллектуальной и т.п. Координация объектов в потоке обеспечивается постоянным движением через пространственные, институциональные и групповые границы — генерированием новых трендов, ивентов, проектов и т.д. Социальность в потоках обеспечивается не повторяемостью паттернов или устойчивостью связей, а совместной мобильностью. Движения и изменения создают другую, альтернативную социальность.

Фокусируясь на разных формах социальности — на нормативности, выделяемой в институтах, креативности — в интеракциях, коммуникативности — в сетях, мобильности — в потоках, социологи создали конкурирующие представления о социальной реальности. Четыре разных режима существования социальной реальности — это её объективность в работах Дюркгейма, интерсубъективность у последователей Шюца, интеробъективность по Латуру, трансобъективность в русле идей Урри. Конфигурация четырёх разных социальностей образует ту общую реальность, с которой теперь приходится иметь дело социологическому сообществу.

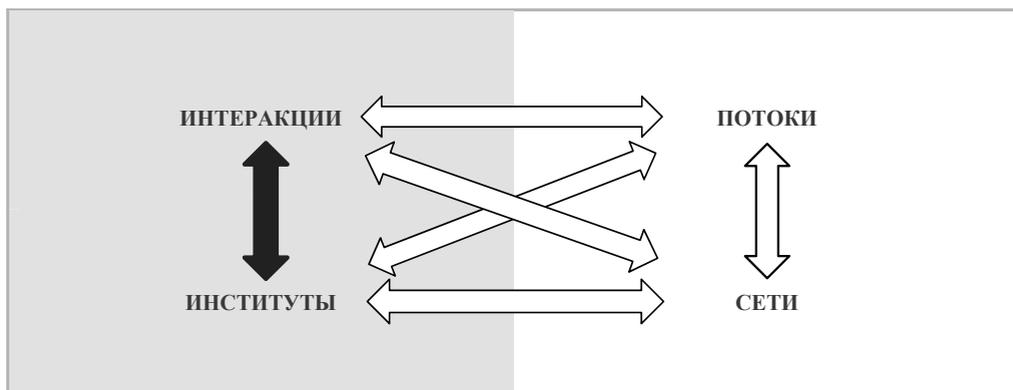
От второй интегративной волны сегодняшняя социология унаследовала теории, связавшие первый и второй типы социальности — институты и интеракции. Интегративные парадигмы, создававшиеся с конца 1970-х гг. Ю. Хабермасом, Э. Гидденсом, М. Арчер, П. Бурдьё [33; 34; 71; 35], были нацелены на установление взаимообусловленности и связности структур и действий, то есть на объединение тотальной социальности институциональных, нормативных порядков и частной, ситуативной социальности порядков интеракций. Совмещение структурного и агентного взглядов на социальную реальность сформировало специфическую оптику, в которой и институты, и интеракции

видятся одинаково: как поля структуриаций — объективно существующие комплексы интересубъективно конструируемых отношений. При всех терминологических различиях между концепциями коммуникативного действия, структуриации, морфогенезиса, габитуса, все они предлагают модели того, как взаимно (вос)производятся локализованные в пространстве-времени условия (ресурсы и нормы, капиталы и символическое насилие и т.п.) и разнообразные по степени рефлексивности процессы освоения и (пере)оформления имеющихся условий (действия, практики и т. п.). Поэтому связка из бурдьевистского термина «поле» и гиденсовского термина «структуриация» вполне уместна, поскольку она адекватно представляет исследованный в интегративных теориях второй волны общий предмет: поля структуриаций.

Решение проблемы объединения структурного и агентного подходов, макро- и микроуровней социальности по формуле «институты + интеракции = поля структуриаций» сейчас выглядит лишь частичным. Проблематика теоретической интеграции выглядит иной в контексте поисков, начиная с 1990-х гг., новых объектностей и разработки новых метафор и концептуальных схем М. Кастельсом, Дж. Урри, Б. Латуром, А. Аппадурай, К. Кнорр-Цетинной. Противопоставляя старым формам социальности — институтам и интеракциям, новые — сети и потоки, Кастельс, Латур, Урри, Аппадурай, Кнорр-Цетина и их последователи релятивизировали результаты, достигнутые в интегративных теориях Хабермаса, Гиденса, Арчер, Бурдьё.

Сейчас, в 2020-х гг., уже понятно, что представления об иных фундаментальных типах социальности — сетевых и потоковых структурах не отменяют классические представления и прежнюю социологию. Кастельс, Латур, Урри, Аппадурай, Кнорр-Цетина не конституировали «постсоциальную науку», но расширили предметное поле социологии и дополнили её теоретическую проблематику новыми вопросами соотношения привычных и новых форм социальности. Поскольку вновь открытыми структурами не устраняются и не заменяются полностью прежде освоенные структуры, актуальной становится новая теоретическая повестка: продолжить интегративное теоретизирование и дополнить поля структуриаций другими формами связности ещё по пяти линиям сопряжения и взаимообусловленности разных типов социальностей (Рис. 1).

Наряду с интегративной формулой **«институты + интеракции = поля структуриаций»**, релевантной для сопряжения привычных структур (закрашенные зоны на Рис. 1), нужны аналитические решения, которые связывают старые и новые формы социальности. Взаимообусловленность интеракций и сетевых структур проявляется в коммуникациях. Развитие и влияние сетей побуждает индивидов превращать обмен действиями в режиме «лицом к лицу» в дистанционный обмен сообщениями, но в то же время сети воспроизводятся и расширяются за счёт креативности коммуникативных действий, нацеленных на поддержание межиндивидуальных и внутригрупповых отношений. Участие в коммуникациях от лица множества виртуальных персонажей, эксперименты с множественными и изменчивыми идентичностями, создание ботов (алгоритмов симуляции общения с реальным человеком) становятся распространёнными практиками в социальных сетях. Формула **«интеракции + сети = коммуникации»** не только раскрывает логику взаимодополнительности на стыке двух типов социальности, но и объясняет популярное среди социологов, исследующих современный феномен коммуникаций, совмещение микросоциологических, конструкционистских подходов и формально-структуралистского сетевого анализа.

Рисунок 1. Аналитическое пространство социальных структур в актуальной социологии

Анализ структурных эффектов на стыке институтов и сетей показывает, что в конце прошлого века развитие сетевых структур с их селективной социальной релятивизировало тотальную социальность институтов, снизило роль их нормативности, сформировало свободное от институтов виртуальное пространство и вызвало виртуализацию самих институтов [55; 72]. Однако в начале нынешнего столетия виртуализация институтов пошла в направлении создания цифровых платформ, которые путём алгоритмизации нормируют сетевые структуры, коммерциализируют и бюрократизируют сетевые связи. Коммуникации в социальных сетях и мессенджерах, на маркетплейсах и агрегаторах, в мобильных приложениях и на порталах различных фирм и учреждений всё в большей степени подчинены обезличенным нормам, обуславливаются предоставлением персональных данных и жёстко регулируются. Виртуализация институтов оборачивается платформизацией сетей. Перевод большей части интернет-коммуникаций на подконтрольные крупным корпорациям и государству платформы — это тенденция конвергентного развития социальных структур, которое идёт по формуле **«институты + сети = платформы»**.

На линии сопряжения между институтами и потоковыми структурами определённая и упорядоченность социальных процессов все чаще обеспечивают проекты, в которых свойственное институтам повторение привычных образцов (паттернов) заменяется характерным для потоковых структур непрерывным обновлением целей, перемещением ресурсов, сменой зон активности. Проектная логика жизни характерна теперь не только для бизнесменов, но для большинства людей, вовлечённых в диктуемую культурой потребления — консюмеризмом — гонку за показателями успешности. Проекты, как ограниченные по времени целевые программы деятельности, быстро сменяют один другой и задают тот режим краткосрочных фаз активности и вовлечённости, в котором индивиды и группы стремятся к результатам в карьере, образовании, отдыхе, развлечениях и даже в семейной жизни. На общественно-политических аренах проектная логика, ранее отличавшая социальные движения от рутинного функционирования правительств, министерств, бюрократических структур всех уровней, теперь всё больше проникает в государственную власть и в публичное управление. Их перевод в формат проектов, варьирующихся по масштабам от национальных программ развития до муниципального благоустройства, является наглядной реализацией формулы взаимообусловленности структур: **«ин-**

ституты + потоки = проекты». В проектах институты динамизируются потоками, а потоки нормализуются институтами.

Сопряжение структур на линии интеракции–потоки проявляется в буме ивентов. Вместо регулярных и рутинных контактов между индивидами в постоянных по составу и месту функционирования группах присутствие и сопричастность обеспечиваются сериями разовых, но зато креативных и интенсивных событий. Насыщенные разнообразными активностями ивенты объединяют людей и обеспечивают сильную идентичность в условиях постоянных трансформаций технологий и паттернов интеракций. Двигаясь в потоках ивентов, люди компенсируют дефицит социальности, возникший в результате виртуализации привычных интеракций, и групп, функционировавших в режиме «лицом к лицу». Таким образом, организуемые для работников компаний мероприятия по поддержанию корпоративного духа, тематические встречи друзей, фестивали, конкурсы, выставки, концерты, коллективные перформансы, флешмобы и даже брутальные акции протеста и устрашения превращаются в особую разновидность структур, реализующих формулу **«интеракции + потоки = ивенты».**

Взаимообусловленность структур по линии сети–потоки изначально концептуализирована в теориях Кастельса, Латура, Аппадурои, Урри [55; 53; 56; 54]. Нужно лишь обобщить их представления о том, что сети и потоки являются двумя аспектами одной реальности. Сети задают топологию процессов, обеспечивают направления для потоков, а потоки придают сетям процессность, обеспечивают соединение узлов. Соединяемые в целостности сети и потоки предстают как интеробъективно существующие гибридные комплексы трансобъективно формирующихся текучих сборок. Упрощённо это сопряжение сетевых и потоковых структур можно передать формулой: **«сети + потоки = скейпы ассембляжей».**

Неологизм скейп (*scape*), введенный А. Аппадурои [73] для обозначения пространств-потоков и подхваченный Дж. Урри, М. Уотерсом [54; 74] и другими исследователями, отсылает сразу к двум значениям — пространственной определённости ландшафта, местности (по-английски *landscape*) и текучести, ускользания через границы мест (по-английски *escape*). Популяризированный Б. Латуром и его последователями термин «сборка» (по-французски *assemblage*) создаёт коннотации и с техническими операциями соединения деталей, и с социальными процессами организации собраний и формирования объединений.

Скейпы ассембляжей, поля структурирования, коммуникации, платформы, проекты, ивенты в совокупности образуют актуальный предмет для теоретической социологии и перспективный полигон для эмпирических исследований. Взаимопроникновение структур, которые раньше противопоставлялись или по крайней мере разграничивались, позволяет сегодня называть социальную реальность дополненной. Метафора дополненной реальности (по-английски *augmented reality*), взятая из IT-технологий, где цифровые объекты встраиваются в одно пространство с физическими, хорошо схватывает те гибридные реальности, которые возникают на стыках институтов, интеракций, сетей и потоков. Дополненная социальная реальность — не замена прежним концепциям, но интегральный итог развития теоретических представлений о социальной реальности со времён Дюркгейма до наших дней.

Единая и объективная реальность, представленная Э. Дюркгеймом, уже к середине прошлого века стала выглядеть недостаточной. Предложенная А. Шюцем иерархия множественных реальностей с выделенным особым статусом по-

вседневной реальности выглядела хорошим решением вплоть до конца XX столетия. Затем пришло время для концепций дезагрегирования: исчезновение объективной реальности и рост медийной гиперреальности по Ж. Бодрийяру и плюралистичность реальностей в версиях Ш. Айзенштадта, У. Бека, Р. Коннелл. С развитием в начале XXI века идей Б. Латура, Дж. Урри, К. Кнорр-Цетинны о гибридности и темпоральности реальностей оформились предпосылки для интегральной концепции дополненной реальности, в которой взаимно проникают и взаимно обуславливают одна другую объективная реальность институтов, интерсубъективная реальность интеракций, интеробъективная реальность сетей, трансобъективная реальность потоков.

Наряду с достижением связности представлений о формах социальности (типах и уровнях социальной реальности), концепция развития структур на стыках институтов, интеракций, сетей и потоков открывает перспективу теоретической интеграции в исследованиях социальной динамики. Эту же логику можно применить и при рассмотрении социальных изменений и развития. Различия между конкурирующими теориями изменений и образами современности вызваны фокусировкой на неодинаковой динамике разных структур. Теории модернизации и концепции единой современности (*Modernity*) сфокусированы на развитии институтов, обеспечивших рост массового производства и потребления, формирование массовой демократии и массовой культуры. Альтернативные теории изменений — рефлексивной модернизации, постмодерна, глобальной современности, текучей современности, множественных современностей и т.д., — сфокусированы на обозначившихся на рубеже веков остановке институционального развития и росте других типов структур, создающих не тотальную социальность в виде унифицированных норм, а частную и ситуативную социальность интеракций, избирательную социальность сетей, мобильную социальность потоков.

Поскольку в основе разнообразия теорий социальных изменений и конкурирующих концепций современности лежит совместная (пусть и не одинаковая) динамика институтов, интеракций, сетей, потоков, напрашивается интегративное решение — концепция дополненной современности (*augmented Modernity*). Нужно соединить разные версии теорий модернизации, постмодерна, глобализации, а также виртуализации, макдональдизации и т.п., исходя из того, что новейшие тенденции изменений возникают на стыках четырёх типов социальности. Их гибридизация и взаимопроникновение создают эффекты дополненной социальной реальности, в которой смешиваются и взаимно проникают традиционные и современные, модернистские и постмодернистские, глобальные и локальные, реальные и виртуальные компоненты жизни людей.

Наряду с привнесением связности в теоретические представления о социальной реальности и социальной динамике, важнейшей задачей является движение к связности концептуальных и инструментальных составляющих в том многообразии методов сбора и анализа данных, которое сложилось в современной социологии. Здесь от уже привычного противопоставления «жестким» количественным методам (массовым опросам, статистическому анализу, контент-анализу и т.д.) «мягких» качественных (глубинных интервью, включённого наблюдения, дискурс-анализа и т.д.) исследователи быстро перешли к противопоставлению обеим стратегиям инновационной стратегии «больших данных» (*big data*). Вместе с тем проводятся исследования, совмещающие разные стратегии и конструирующие смешанные методы (*mix method*), вырабатываются инструменты одновременного сбора и анализа числовых, текстовых, визуальных данных.

Эти разнонаправленные методологические тренды приобретают общий смысл и образуют связанное единство, если понять, что количественные методы наиболее эффективны в изучении институтов, качественные — интеракций, методы работы с большими данными — сетей и потоков. А на стыках четырёх типов социальности лучше работают смешанные методы и гибридные инновационные решения. Напрашивающееся общее решение проблем методологической фрагментации в социологии лежит в том же интегративном русле: для проведения исследований дополненной социальной реальности в условиях дополненной современности нужен инструментарий, обеспечивающий объединение и гибридизацию разнородной и разноуровневой информации в виде обогащённого комплекса — дополненных данных (*augmented data*).

Заключение: интегративная перспектива развития социологии. Исходя из представленного в статье чередования периодов фрагментации и интеграции в социологии, можно рассчитывать на приход новой интегративной волны к середине нынешнего века. Предлагаемая здесь метафора дополненной реальности позволяет придать связность и общую логику современным представлениям о социальной реальности, социальной динамике, методологии социологических исследований. Но теоретико-методологическая интеграция возможна и на другой концептуальной основе. Накануне интегративной волны социологи абсолютно свободны в выборе решающих метафор и других концептуальных средств, которые помогут решить задачи достижения связности в развитии теорий и методов.

Приход третьей интегративной волны логичен, но она не придёт автоматически. Всё зависит от интенций и усилий множества теоретиков и исследователей-практиков, которые осознают эту перспективу развития социологии. Третья интегративная волна не решит раз и навсегда все проблемы социологии. Представленная выше краткая история социологии показывает, что в ней ничего не бывает навсегда и ничто не принимает повсюду одинаковые формы. Возможная в ближайшем будущем интегративная волна со временем, скорее всего, сменится следующим периодом фрагментации. Но это будет продолжением развития социологии уже на ином достигнутом уровне. Так что смена нынешней фрагментации интегративной волной — это безусловно позитивная перспектива движения. На это и следует ориентироваться тем, кто от положительного решения общего вопроса об актуальности теоретико-методологической интеграции переходит к детальным вопросам о том, как именно интегрировать представления о разных структурах, процессах, методах.

Библиографический список / References

1. Гоулднер А. У. Наступающий кризис западной социологии. СПб. : Наука, 2003. 575 с. ISBN 5020268283.
Gouldner A. W. The coming crisis of western sociology. St. Petersburg: Nauka; 2003. (In Russ.). ISBN 5020268283.
2. Дудина В. И. Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии // Социологические исследования. 2013. № 10(354). С. 13–21. EDN RDRNSV.
Dudina V. I. Fictitious crisis of sociology and a new shape of epistemology. *Sociological Studies*. 2013;(10):13–21. (In Russ.).
3. Vandenberghe F, Fuchs S. On the coming end of sociology. *Canadian Review of Sociology*. 2019;56(1):138–143. DOI [10.1111/cars.12238](https://doi.org/10.1111/cars.12238).
4. Campbell C. Has sociology progressed? Reflections of an accidental academic. Cham: Palgrave Macmillan; 2019. DOI [10.1007/978-3-030-19978-4](https://doi.org/10.1007/978-3-030-19978-4).

5. House J. S. Culminating crisis in American sociology and its role in social sciences and public policy: an autobiographical, multimethod, reflexive perspective. *Annual Review of Sociology*. 2019;45(1):1–26. DOI [10.1146/annurev-soc-073117-041052](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-073117-041052).
6. Бэр П. Социология остановилась // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 3–15. DOI [10.31857/S013216250010090-2](https://doi.org/10.31857/S013216250010090-2). EDN LKJWLE.
Baehr P. The arrest of sociology. *Sociological Studies*. 2020;(9):3–15. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250010090-2](https://doi.org/10.31857/S013216250010090-2).
7. Go J. Race, empire, and epistemic exclusion: or the structures of sociological thought. *Sociological Theory*. 2020;38(2):79–100. DOI [10.1177/0735275120926213](https://doi.org/10.1177/0735275120926213).
8. Delanty G., Mascareno A. Social theory: legacies and future directions – An interview with Gerard Delanty. *European Journal of Social Theory*. 2023;26(3):408–423. DOI [10.1177/13684310231179145](https://doi.org/10.1177/13684310231179145). EDN GAEMMB.
9. Иванов Д. В. Ворчание «стариков», нытье «молодых» и прогресс социологии // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 3–11. DOI [10.31857/S013216250018033-9](https://doi.org/10.31857/S013216250018033-9). EDN REPXXB.
Ivanov D. V. Grumbling ‘oldies’, whining ‘youngsters’, and progress of sociology. *Sociological Studies*. 2022;(2):3–11. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250018033-9](https://doi.org/10.31857/S013216250018033-9).
10. Sorokin P. Contemporary sociological theories. New York: Harper & Brothers; 1928.
11. Sorokin P. Social and cultural dynamics. Vol. 1. New York: American Book Company; 1937.
12. Parsons T. The structure of social action. New York: Free Press; 1937.
13. Parsons T. The social system. Glencoe: Free Press; 1951.
14. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie. *Zeitschrift für Sozialforschung*. 1937;6(2):245–294. DOI [10.5840/zfs19376265](https://doi.org/10.5840/zfs19376265).
15. Adorno T., Horkheimer M. Dialektik der Aufklärung. Amsterdam: Querido Verlag; 1947.
16. Merton R. Social theory and social structure. Glencoe: The Free Press; 1957.
17. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The people’s choice: how the voter makes up his mind in a presidential campaign. New York: Columbia University Press; 1944.
18. Levy M. Modernization and the structure of societies. Princeton: Princeton University Press; 1966. ISBN 978-0691093208.
19. Parsons T. Societies: evolutionary and comparative perspectives. Englewood Cliffs: Prentice-Hall; 1966.
20. Sorokin P. Russia and the United States. New York: Literary Classics; 1944.
21. Aron R. Trois essais sur l’age industriel. Paris: Plon; 1966.
22. Marcuse H. One-dimensional man. Boston: Beacon; 1964. ISBN 978-0807015759.
23. Кун Т. Структура научных революций. М. : АСТ, 2003. ISBN 5-17-008289-4. EDN QWFEIT.
Kuhn Th. The structure of scientific revolutions. Moscow: ACT; 2003. (In Russ.). ISBN 5-17-008289-4.
24. Homans G. Social behavior: its elementary forms. New York: Harcourt, Brace & World Inc.; 1961.
25. Touraine A. Sociologie de l’action. Paris: Editions du Seuil; 1965.
26. Blumer H. Symbolic interactionism. Englewood Cliffs: Prentice-Hall; 1969. ISBN 9780138799243.
27. Berger P., Luckmann T. Social construction of reality. New York: Anchor Books; 1966. ISBN 978-0-385-05898-8.
28. Gofman E. The presentation of self in everyday life. New York: The Overlook Press; 1959. ISBN 978-0385094023.
29. Garfinkel H. Studies in ethnomethodology. Englewood Cliffs: Prentice-Hall; 1967. ISBN 978-0138583811.
30. Foucault M. Les mots et les choses. Paris: Gallimard; 1966. ISBN 9782070224845.
31. Lyotard J.-F. La condition postmoderne. Paris: Minuit; 1979. ISBN 2707302767.
32. Baudrillard J. À l’ombre des majorités silencieuses ou la fin du social. Paris: Les Cahiers d’Utopie; 1978. ISBN 978-2910170431.
33. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1, 2. Frankfurt a. M.: Suhrkamp; 1981. ISBN 978-3518287750.
34. Giddens A. The constitution of society. Outline of the theory of structuration. Cambridge; 1984. ISBN 978-0520057289.
35. Bourdieu P. Choses dites. Paris: Minuit; 1987. ISBN 978-2707311221.
36. Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М. : Политиздат, 1991. 367 с. ISBN 5-250-00757-0. EDN SHJSLI.

- Gaidenko P. P., Davydov Yu. N. History and rationality: Max Weber's sociology and Weberian renaissance. Moscow: Politizdat; 1991. ISBN 5-250-00757-0.
37. Weinstein D., Weinstein M. Postmodern(ized) Simmel. London: Routledge; 1993. DOI [10.4324/9781315823348](https://doi.org/10.4324/9781315823348).
  38. Alexander J. (Ed.) Neo-Functionalism. Newbury Park: Sage Publ.; 1985. ISBN 978-0803924970.
  39. Ritzer G. Sociology: A multiple paradigm science. *The American Sociologist*. 1975;10(3):156–167.
  40. Turner J. The structure of sociological theory. Homewood, IL: Dorsey Press; 1978. ISBN 978-0256034080.
  41. Sztompka P. Sociological dilemmas: toward a dialectic paradigm. New York: Academic Press; 1979.
  42. Alexander J. Theoretical logic in sociology. London: Routledge; 1982. ISBN 9780415723770.
  43. Ritzer G. Metatheorizing in sociology. *Sociological Forum*. 1990;5(1):3–15. DOI [10.1007/bf01115134](https://doi.org/10.1007/bf01115134). EDN LZUZYU.
  44. Robertson R. Globalization: social theory and global culture. London: SAGE Publications; 1992.
  45. Sklair L. Sociology of the global system. Baltimore: Johns Hopkins University Press; 1991.
  46. Albrow M., King E. Globalization, knowledge and society. London: Sage; 1990. ISBN 978-0803983236.
  47. Giddens A. The Consequences of modernity. Cambridge: Polity Press; 1990. ISBN 978-0745607931.
  48. Beck U. Was ist Globalisierung? Frankfurt a. M.: Suhrkamp; 1997. ISBN 978-3518458679.
  49. Ritzer G. The globalization of nothing. London: Sage; 2004.
  50. Wallerstein I. Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world system. *International Sociology*. 2000;15(2):249–265. DOI [10.1177/0268580900015002007](https://doi.org/10.1177/0268580900015002007). EDN JMVUJX.
  51. Иванов Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55. DOI [10.31857/S013216250009397-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009397-9). EDN KJDUDV.
Ivanov D. V. Augmented modernity: Effects of post-globalization and post-virtualization. *Sociological Studies*. 2020;(5):44–55. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250009397-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009397-9).
  52. Latour B. On Interobjectivity. *Mind, Culture, and Activity*. 1996;3(4):228–245. DOI [10.1207/s15327884mca0304_2](https://doi.org/10.1207/s15327884mca0304_2).
  53. Latour B. Reassembling the social: an introduction to actor-network theory. Oxford University Press, 2005. ISBN 978-0199256051.
  54. Urry J. Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century. London: Routledge; 2000.
  55. Castells M. The rise of the network society. Oxford, UK: Blackwell; 1996. ISBN 978-1557866172.
  56. Appadurai A. Modernity at large: cultural dimensions of globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1996. ISBN 978-0816627936.
  57. Knorr Cetina K. Sociality with objects: social relations in postsocial knowledge societies. *Theory, Culture & Society*. 1997;14(4):1–30. DOI [10.1177/026327697014004001](https://doi.org/10.1177/026327697014004001). EDN JQDKPB.
  58. Knorr Cetina K. The synthetic situation: Interactionism for a global world. *Symbolic Interaction*. 2009;32(1):61–87. DOI [10.1525/si.2009.32.1.61](https://doi.org/10.1525/si.2009.32.1.61).
  59. Knorr Cetina K., Preda A. The temporalization of financial markets: From network to flow. *Theory, Culture & Society*. 2007;24(7-8):116–138. DOI [10.1177/0263276407084700](https://doi.org/10.1177/0263276407084700). EDN JTTRDR.
  60. Akiworo A. Indigenous sociologies: Extending the scope of the argument. *International Sociology*. 1999;14(2):115–138. DOI [10.1177/0268580999014002001](https://doi.org/10.1177/0268580999014002001). EDN JMVTVB.
  61. Alatas S. Alternative discourses in Asian social science: Responses to eurocentrism. New Delhi: Sage; 2006. ISBN 978-0761934400.
  62. Connell R. Southern theory. The global dynamics of knowledge in social science. Cambridge: Polity; 2007.
  63. McLennan G. Sociology, eurocentrism and postcolonial theory. *European Journal of Social Theory*. 2003;6(1):69–86. DOI [10.1177/1368431003006001561](https://doi.org/10.1177/1368431003006001561). EDN JRJXX.
  64. Comaroff J., Comaroff J. Theory from the South, or how Euro-America is evolving toward Africa. Boulder: Paradigm Publ.; 2012. DOI [10.4324/9781315631639](https://doi.org/10.4324/9781315631639).

third integrative wave is expected to come in the 2020s displacing tendencies of disintegration, discrimination, growing gaps and rising barriers. Now theories are relevant as they create a coherent configuration of four types of structures: institutions, interactions, networks, and flows. The new subject matter for theorizing is constituted by their interconnections in forms of fields of structurations, scapes of assemblages, communications, platforms, projects, and events. A metaphor of augmented reality is integrating different concepts of social reality and it is overcoming constitutive distinctions in the last century sociology: between system and lifeworld, locality and globality, the private and public, the material and symbolic, the real and virtual, the physical and digital, etc.

Keywords: development of sociology, metaparadigm crisis, integrative wave, augmented modernity, post-globalization, institutions, interactions, networks, flows

For citation: Ivanov D. V., Asochakov Yu. V., Gulkina K. P. Sociology in the 21st century: between fragmentation and integration. *Science. Culture. Society*. 2024;30(3):6–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.1>

Acknowledgements: This work is based on research supported by Russian Science Foundation, grant # 24-18-00261, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00261/>

Received: 15.07.2024. Accepted: 06.08.2024.

Information about the author:

Dmitriy V. Ivanov, Doctor of Sociology, Professor, St Petersburg University.
St. Petersburg, Russia. dvi1967@gmail.com
ORCID: [0000-0002-7622-4022](https://orcid.org/0000-0002-7622-4022)

Yuri V. Asochakov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, St Petersburg University.
St. Petersburg, Russia. yasochakov@yandex.ru

Kseniia P. Gulkina, Master of Arts (Sociology), Junior Researcher, St Petersburg University.
St. Petersburg, Russia. c0067@yandex.ru